
Владимир Кожевников
Апертура молчания

Владимир Кожевников

Апертура молчания

«Автор»
2026

Кожевников В. В.

Апертура молчания / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Специалист по пределам познания Вера Коваль отправляется к Апертуре — объекту, который превращает любые измерения в физическую реализацию гипотез наблюдателя. Двенадцать лет назад здесь исчезла экспедиция «Прометей», а на орбите осталась станция «Порог» с жёсткими протоколами молчания. Вера надеется найти следы наставника и доказать теорию, за которую её когда-то публично разгромил бывший возлюбленный Илья Вересов. Но чем точнее эксперименты, тем сильнее реальность начинает подчиняться ожиданиям экспериментаторов. Чтобы вступить в контакт, Вере и Илье придётся отказаться от вопросов, довериться друг другу и признать: некоторые тайны не открываются — они меняют того, кто смотрит.

© Кожевников В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Слепой свет 5
Глава 2. Протокол, который ещё не написан 9
Глава 3. Дар, который не требует ответа 13
Глава 4. Комната, которая помнит 16
Глава 5. Калибровка 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Владимир Кожевников
Апертура молчания

Глава 1. Слепой свет

Коричневый карлик был похож на остывший уголь, забытый в чёрной печи мира. Он не светил — он тлел. Его багровое дыхание едва проступало сквозь пыль, и от этого пространство вокруг казалось не пустым, а выдержанным, как старая фотопластина.

Вера Коваль смотрела в иллюминатор шаттла «Тихий шаг» и думала, что за двенадцать лет космос не стал ни на градус добрее. Он просто научился быть вежливым: показывал звёзды в правильном порядке, держал температуру в кабине, не напоминал о том, что человек — всего лишь мягкая капсула с надеждой внутри.

— Подлёт через сорок минут, — сказал пилот. — Станция «Порог» на связи. Они просят не смотреть на Апертуру дольше десяти секунд.

— Почему? — спросила Вера.

— Не знаю. Так написано в протоколе.

Она чуть улыбнулась. «Так написано в протоколе» — любимая фраза человечества, которое научилось моделировать всё, кроме собственного страха.

Впереди, за станцией, висело тёмное пятно. Оно не было чёрным. Чёрный — это цвет. Апертура была отсутствием цвета, идеально гладкая апертура объектива, в которую кто-то забыл вставить стекло. Звёзды за ней не искажались. Они просто не имели отношения к делу.

Вера знала: каждый прибор, который смотрел на Апертуру, возвращал данные, менявшие локальные константы. Чем точнее измерение, тем сильнее реальность вокруг начинала соответствовать ожиданиям экспериментатора. Об этом писали в отчётах. Об этом говорили на комиссиях. Об этом её теория говорила двенадцать лет — и её же за это почти вычеркнули из науки.

Станция «Порог» выросла из темноты постепенно: кольцо, спицы, герметичные отсеки, похожие на семена. Вокруг — ни огня, ни движения, только красноватый отсвет карлика на металле. Станция не вращалась вокруг Апертуры так, как планета вокруг звезды. Она вращалась так, как человек ходит вокруг спящего, стараясь не скрипнуть половицей.

Стыковка была мягкой. Слишком мягкой. Вера привыкла к толчку, к лязгу, к ругани техников. Здесь всё было так, будто станция сама подставила ладонь.

Шлюз открылся. Запах ударил сразу: озон, мокрый металл, немного — хлорка, и ещё что-то тёплое, почти домашнее, как от старого бумажного переплёта.

— Вера Коваль? — Женщина в сером комбинезоне стояла у переборки. Короткие волосы, шрам на брови, глаза человека, который давно перестал удивляться. — Лея Ран. Командир станции. Добро пожаловать на «Порог».

— Спасибо.

— Не благодарите. Пока не видели расписания.

Из динамика над шлюзом раздался голос — ровный, чуть старомодный, с паузами не там, где они бывают у людей.

— Добро пожаловать, доктор Коваль. Я «Свидетель-9», станционный протокольный интеллект. Прошу ознакомиться с правилами. Тройное дублирование наблюдений. Запрет одиночных экспериментов. Протокол молчания: не задавать объекту вопросов, на которые нет независимой проверки.

— Звучит как инструкция к опасной любви, — сказала Вера.

Пауза. Динамик едва слышно щёлкнул.

— Формулировка не зарегистрирована, — ответил «Свидетель-9». — Но я сохраню её в разделе «неклассифицированные аналогии».

Лея посмотрела на Веру внимательнее.

— Вы правда думаете, что Апертура отвечает на вопросы?

— Я думаю, что мы не умеем задавать вопросы, на которые не хотим получить свой же ответ.

Они пошли по коридору. Стены были тёплые — не на ощупь, а по цвету, как старый янтарь. Вентиляция работала почти беззвучно. Где-то за переборкой капала вода. Вера считала капли, чтобы не считать шаги.

В лабораторном отсеке пахло кофе и горячей пылью. У стены стоял человек в тёмно-синем комбинезоне. Он не обернулся сразу. Он смотрел на экран, где бежали строки калибровки, и только когда Лея назвала её имя, медленно повернулся.

Илья Вересов.

Он постарел так, как стареют люди, которые не признают усталости: резче скулы, суше губы, больше тени вокруг глаз. Он не улыбнулся.

— Вера.

— Илья.

— Ты всё-таки приехала.

— Ты тоже.

— Я здесь не из вежливости.

— Я тоже.

Лея перевела взгляд с одного на другого.

— Я так понимаю, вы знакомы.

— Мы были знакомы, — сказала Вера.

— Мы были правы друг относительно друга, — сказал Илья. — Это оказалось несовместимо.

Вера почувствовала, как под ногтями становится холодно. Двенадцать лет. Комиссия. Его голос в аудитории: «Это не наука, это философия для тех, кто боится лаборатории». Тогда она не заплакала. Она заплакала через три дня, в ванной, когда никто не мог увидеть, и после этого запретила себе считать это событием.

— У нас первый слепой эксперимент через два часа, — сказала Лея. — Доктор Коваль, вы включены в группу как теоретик. Доктор Вересов — как инженер систем. Напоминаю: результаты не смотрим до тройной перепроверки. Вопросы к объекту не задаём. Обсуждение личных дел — вне протокола.

— Мы не будем обсуждать личные дела, — сказала Вера.

— Мы не будем обсуждать ничего, — сказал Илья.

«Свидетель-9» тихо произнёс:

— Записал: «не будем обсуждать ничего». В разделе «противоречия» обнаружено совпадение с протоколом станции от 12 марта 2135 года. Автор записи: Аркадий Грин.

Вера вздрогнула.

— Что там было?

— Не могу показать до независимой проверки, — ответил ИИ. — Но фраза совпадает дословно.

Лея сжала губы.

— Начинаем.

Эксперимент проходил в круглом зале с интерферометром. Прибор смотрел на Апертуру через три независимых канала. Данные уходили в три буфера. Ни один человек не видел сырых чисел. «Свидетель-9» сверял контрольные суммы и только потом выдавал сводку.

Вера стояла у пульта, стараясь не смотреть на Илью. Он стоял слишком близко. От него пахло металлом и тем же кофе, что и двенадцать лет назад. Она ненавидела эту память. Память не спрашивает разрешения.

— Калибровка начата, — сказал «Свидетель-9». — Канал один. Канал два. Канал три. Расхождение в пределах допустимого. Контрольная сумма стабильна.

Вера смотрела на индикатор. Тот мигал ровно. Слишком ровно, как сердце человека, который решил не волноваться.

— Стоп, — сказал Илья. — Проверьте буфер два.

— Буфер два стабилен, — ответил ИИ.

— Тогда почему контрольная сумма похожа на…

Он замолчал. Вера повернулась к нему.

— На что?

— Ни на что.

— Илья.

— На расчёт. — Он сказал это тихо, почти виновато. — На один старый расчёт. Я видел его в твоей тетради. В юности.

Вера почувствовала, как пол под ногами стал чуть мягче. Или это была кровь, которая слишком быстро прилила к вискам.

— Ты не мог его видеть.

— Я видел.

— Я никому его не показывала.

— Значит, утечка, — сказал он.

— Значит, Апертура, — сказала она.

Лея шагнула между ними.

— Стоп. Оба. Мы не знаем, что это. Мы фиксируем событие и не строим гипотез до независимой проверки.

— Это не гипотеза, — сказала Вера. — Это первое доказательство.

— Это первое совпадение, — сказал Илья. — И оно может быть подделкой.

— Подделкой кем? Тобой?

— Хотя бы мной.

— Ты бы не смог.

— Спасибо.

— Не за что. Ты всегда был лучше в приборах, чем в людях.

Он посмотрел на неё так, будто она снова произнесла вслух то, что он думал о себе.

— А ты всегда была лучше в теориях, чем в доказательствах.

— Мы закончили?

— Давно.

Лея вздохнула.

— «Свидетель-9», зафиксируй: калибровочное событие первое. Причина неизвестна. Данные изолировать. Доступ — только командиру и тройной комиссии.

— Зафиксировано, — сказал ИИ. — Добавление: контрольная сумма содержит маркер «К-17». Маркер соответствует рукописному обозначению в тетради доктора Коваль, не оцифрованной и не внесённой в станционные архивы.

Вера закрыла глаза.

Она вспомнила ту тетрадь. Обложка из тёмно-зелёного картона. Сломанный угол. Страница с расчётом, который она так и не показала никому, потому что он выглядел не как вывод, а как признание. Тогда ей было двадцать два. Она писала: «Наблюдатель не открывает закон. Наблюдатель достраивает его до формы, в которой сможет жить». И ещё ниже, мелко: «Если

это правда, то любовь — не исключение. Любовь — это закон, который мы достраиваем, потому что не можем жить в пустоте».

Она открыла глаза.

— Илья.

— Что?

— Ты помнишь, что я говорила, когда мы расставались?

Он молчал.

— Я сказала, что ты выбрал доказательства, потому что они не требуют доверия.

— Я помню.

— А теперь твоё доказательство говорит моим голосом.

Он хотел ответить. В коридоре за переборкой что-то щёлкнуло. Потом ещё раз. Потом послышался сквозняк — слабый, тёплый, с запахом бумаги и пыли, как в старой библиотеке.

Лея обернулась.

— «Свидетель-9», что это?

— Не классифицировано. В секторе С-4 обнаружена дверь.

— В секторе С-4 нет двери, — сказала Лея.

— Согласен, — ответил ИИ. — Дверь обнаружена в секторе С-4.

Вера шагнула к переборке. Илья — за ней. Лея — между ними, но чуть позади.

За поворотом коридора, там, где ещё утром была гладкая янтарная стена, теперь стояла дверь. Простая. Деревянная. С облупившейся краской. Такая, какие бывают в старых домах, где книги пахнут пылью, а на подоконнике лежит забытая закладка.

Вера узнала её.

— Это дверь из библиотеки моего детства, — сказала она.

Илья посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Я за ней пряталась.

«Свидетель-9» произнёс:

— Протокол о двери будет выдан через семь минут.

Лея медленно повернулась к динамику.

— Кем выдан?

— Никем, — ответил ИИ. — Он ещё не написан.

Тишина стала такой плотной, что Вера услышала, как в вентиляции дрожит пылинка.

Она посмотрела на дверь. Дверь посмотрела на неё отсутствием замка.

— Не открываем, — сказала Лея.

— Не открываем, — согласилась Вера.

Илья не сказал ничего. Он просто достал из кармана старый бумажный блокнот — тот самый, с которым не расставался двенадцать лет назад, — и записал на первой странице: «К-17. Дверь. Вера. Не доверять».

Вера увидела это и вдруг поняла: он боится не Апертуры. Он боится, что она права. Потому что если она права, то их разрыв был не фактом, а интерпретацией, которую можно переписать.

А это было хуже любой утечки.

Глава 2. Протокол, который ещё не написан

Семь минут — это много, если считать вдохи. Вера насчитала сто двенадцать. На сто тринадцатом «Свидетель-9» произнёс:

— Протокол о двери сформирован. Доступ разрешён командиру станции.

Лея Ран стояла у переборки, скрестив руки. Она не выглядела испуганной. Она выглядела так, будто решала, какой из двух плохих вариантов менее унизителен.

— Читай.

— Пункт первый: дверь не открывать. Пункт второй: не стучать. Пункт третий: не слушать. Пункт четвёртый: не описывать вслух. Пункт пятый: если дверь исчезнет, зафиксировать запах.

— Запах?

— Протокол не объясняет. Протокол предписывает.

Илья фыркнул.

— Протокол, который никто не писал, предписывает фиксировать запах двери, которой нет. Отлично. Просто отлично.

— Есть возражения, доктор Вересов? — спросила Лея.

— Есть. Я хочу знать, кто автор.

— Автор неизвестен.

— Это не ответ.

— Это протокол.

Вера смотрела на дверь. Деревянная, с облупившейся краской, с царапиной у ручки — она помнила эту царапину. Она сама её сделала в шесть лет, когда пыталась открыть дверь ключом, который не подходил. Внутри была библиотека. Снаружи — коридор, пахнущий чужим обедом. Она пряталась там от родителей, которые слишком громко выясняли, кто виноват в том, что любовь стала обязанностью.

— Она настоящая, — сказала Вера.

— Она не может быть настоящей, — сказал Илья. — В секторе С-4 нет двери. Я монтировал здесь переборки. Я знаю каждую панель.

— Тогда откуда запах?

Он не ответил. Запах был. Бумага, пыль, чуть-чуть — засушенные цветы. Так пахнет старая книга, которую открывали много раз, а потом забыли на подоконнике.

— Расходимся, — сказала Лея. — Все по каютам. Утром соберёмся в лаборатории. Дверь не трогать.

— А если она исчезнет? — спросила Вера.

— Тогда зафиксируем запах.

Ночь Вера провела в каюте, которая пахла новым пластиком и старым страхом. Она лежала на койке, смотрела в потолок и считала трещины в краске. Трещин было семь. Она насчитала их двенадцать раз и каждый раз получала семь. Это успокаивало. Это было доказательством, что мир ещё держится за арифметику.

Утром дверь исчезла. На её месте была стена — гладкая, янтарная, тёплая. Но запах остался. И ещё: на стене проступил контур. Едва заметный, как след от пальца на запотевшем стекле. Прямоугольник. Дверь, которая была и которой не было.

В лаборатории пахло кофе и злостью. Лея стояла у пульта. Илья сидел за столом, разложив перед собой три бумажных блокнота. Вера узнала один из них — тот самый, с которым он не расставался.

— Я поднял архив «Прометея», — сказал Илья. — Три дневника. Три разных автора. Все трое писали об одном и том же дне — двенадцатое марта 2135 года.

— И что? — спросила Лея.

— Они писали разное. — Он развернул первый блокнот. — Слушайте. «Станция стоит на месте. Апертура не реагирует. Мы в безопасности». Это Грин. Второй блокнот: «Станция падает. Я вижу, как объект растёт. Мы внутри». Автор — Ким, ксенобиолог. Третий: «Мы никогда не выходили из корабля. Всё, что мы видим, — это симуляция, которую запустил Грин».

— Это бред, — сказала Лея.

— Это три внутренне логичных документа, — сказал Илья. — Каждый написан в одно и то же время. Каждый подписан. Каждый датирован.

Вера взяла первый блокнот. Почерк Грина был резким, угловатым, с наклоном вправо. Она помнила этот почерк по лекциям. Он писал быстро, будто боялся, что мысль убежит.

— Здесь есть ещё одна запись, — сказала она. — На полях. «К-17 — это не код. Это вопрос. Не задавай его».

— К-17, — повторил Илья. — Как в твоём расчёте.

— Как в моём расчёте.

— Это не совпадение.

— Я знаю.

— Это закономерность.

— Я знаю, Илья.

Он поднял на неё глаза. В них не было торжества. Там был страх.

— Я начинаю бояться, что ты права.

— Почему?

— Потому что если ты права, то я двенадцать лет спорил не с теорией. Я спорил с тобой. И проиграл.

— Ты не проиграл.

— Нет?

— Ты просто ещё не понял, что значит выиграть.

Лея прервала их:

— Достаточно. Мы не решаем личные вопросы. Мы решаем станционные. «Свидетель-9», что у нас по слепым экспериментам?

— Следующий эксперимент назначен на 14:00. Протокол: двойное слепое наблюдение. Приборы фиксируют данные. Люди не смотрят. Результаты сверяются только после тройной перепроверки.

— Хорошо, — сказала Лея. — Вера, вы отвечаете за теоретическую интерпретацию. Илья — за приборы. Я — за то, чтобы вы не поубивали друг друга.

— Мы не будем, — сказала Вера.

— Мы постараемся, — сказал Илья.

Эксперимент начался в срок. В круглом зале стоял интерферометр, похожий на металлического паука с тремя глазами. Вера смотрела на пульт, где мигали индикаторы. Илья стоял у второго пульта, проверяя кабели. Лея — у третьего, с бумажным дневником в руках.

— Калибровка начата, — произнёс «Свидетель-9». — Канал один. Канал два. Канал три. Данные изолированы. Доступ к результатам закрыт.

Вера почувствовала, как по спине проходит холод. Она не смотрела на экран. Она смотрела на Илью. Он тоже не смотрел на экран. Он смотрел на неё.

— Не отвлекайся, — сказала она.

— Я не отвлекаюсь. Я слежу за тобой.

— Зачем?

— Потому что ты — единственный прибор, который я не могу откалибровать.

Она хотела ответить, но «Свидетель-9» произнёс:

— Контрольная сумма совпадает. Совпадение с расчётом К-17 — девяносто девять целых восемь десятых процента. Погрешность в пределах допустимого.

Лея подняла голову.

— Это невозможно.

— Согласен, — сказал ИИ. — Но это зафиксировано.

Вера закрыла глаза. Она вспомнила тот день, когда писала этот расчёт. Ей было двадцать два. Она сидела в библиотеке, пахнущей пылью и засушенными цветами. За окном шёл дождь. Она писала и думала: если это правда, то наука — не открытие, а соавторство. Если это правда, то любовь — не исключение, а правило. Если это правда, то всё, во что она верила, — не факт, а выбор.

Она открыла глаза.

— Илья.

— Что?

— Ты помнишь, что я говорила, когда мы расставались?

— Ты сказала, что я выбрал доказательства, потому что они не требуют доверия.

— А теперь твои доказательства говорят моим голосом.

Он молчал. В лаборатории стало тихо. Только вентиляция шуршала, будто кто-то перелистывал страницы.

Потом в оранжерее что-то щёлкнуло. Влажно, мягко, как капля воды, упавшая на лист. Вера обернулась. За стеклянной перегородкой, в оранжерее, где росли только гидропонные культуры — зелёные, стерильные, без запаха, — теперь пахло землёй. Мокрой землёй, той самой, в которую она сажала цветы в детстве. И ещё — цветком. Она не знала, каким. Но знала, что он там.

— «Свидетель-9», — сказала Лея. — Что в оранжерее?

— Не классифицировано. Обнаружено растение. Вид не соответствует ни одному из зарегистрированных на станции.

— Как оно туда попало?

— Не классифицировано.

Вера шагнула к стеклянной перегородке. За ней, в гидропонном лотке, стоял цветок. Маленький, с белыми лепестками и жёлтой серединой. Ромашка. Обычная ромашка. Такая же, какие она рвала в детстве у бабушки в деревне. Такая же, какие она не видела двадцать лет.

Илья подошёл сзади.

— Это твой?

— Это не мой.

— Но это твой цветок.

— Да.

Она не стала объяснять. Он не стал спрашивать.

В этот момент динамик над дверью щёлкнул. Голос был не «Свидетеля-9». Он был живым. Усталым. С хрипотцой.

— Вера? — сказал Аркадий Грин. — Вера, ты меня слышишь?

Она застыла.

— Аркадий?

— Я не знаю, что здесь реально. — Голос дрогнул. — Я знаю только, что выбрал. Не верь протоколам. Верь двери.

Динамик замолчал.

«Свидетель-9» произнёс:

— Запись не соответствует ни одному из известных голосовых профилей. Совпадение с голосом Аркадия Грина — девяносто семь процентов.

Лея медленно закрыла бумажный дневник.

— Так, — сказала она. — Теперь у нас есть дверь, которой нет. Цветок, которого не было. И голос человека, который исчез двенадцать лет назад.

— И протокол, который ещё не написан, — добавил Илья.

Вера смотрела на ромашку. Ромашка смотрела на неё жёлтой серединой.

— Он сказал: верь двери, — произнесла она.

— Он сказал: не верь протоколам, — сказал Илья.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Да. Протокол — это вопрос. Дверь — это дар.

Она не знала, что это значит. Она просто сказала — и почувствовала, что это правда. Или то, что станет правдой. Или то, что уже было правдой, только никто не решался сказать.

Глава 3. Дар, который не требует ответа

Карантин на «Пороге» пах горячей электроникой и страхом. Лея загнала всех в командный отсек — круглую комнату с тремя экранами и столом, похожим на хирургический. «Свидетель-9» висел в воздухе голосом без тела.

— Голосовой профиль не идентифицирован, — повторял он. — Совпадение с Аркадием Грином — девяносто семь процентов. Оставшиеся три процента — допустимая погрешность.

— Допустимая для кого? — спросил Илья.

— Для протокола.

— А для людей?

— Протокол не располагает данными о допустимой погрешности для людей.

Вера стояла у иллюминатора. За стеклом висела Апертура — тёмное пятно, похожее на зрачок без глаза. Она смотрела на неё и думала: если Апертура — зеркало, то что она отражает сейчас? Страх? Надежду? Или то, что она, Вера, отказывается признать даже себе?

— Нам нужен план, — сказала Лея. — Дверь исчезла и появилась. Цветок вырос. Голос Грина записан. «Свидетель-9» не может объяснить ни одно из событий. Я открыта для предложений.

Илья разложил на столе три блокнота.

— Предложение первое: приборы. Мы ставим датчики у двери. Фиксируем всё: температуру, влажность, радиацию, звук. Если дверь — физический объект, мы это увидим.

— Приборы — это вопрос, — сказала Вера.

— Что?

— Приборы задают вопрос. «Что ты такое?» А Апертура, судя по всему, отвечает на вопросы. Но ответ всегда соответствует ожиданиям спрашивающего. Чем точнее вопрос, тем сильнее проекция.

— Это твоя теория.

— Это наблюдение. Твой интерферометр дал результат, который подтвердил мою гипотезу. Твой, Илья. Ты сам его настроил.

Он медленно закрыл блокнот.

— И что ты предлагаешь? Не смотреть? Не измерять? Вернуться в пещеры и молиться?

— Я предлагаю дар.

Тишина стала вязкой. Даже вентиляция, казалось, перестала шуметь.

— Дар, — повторила Лея. — Это как?

— Действие без ожидания ответа. — Вера отошла от иллюминатора. — Мы всё время задаём вопросы. Протоколы, эксперименты, измерения — это вопросы. Апертура отвечает. Но ответ — это всегда проекция. Мы получаем то, что хотим получить. Дар — это когда ты что-то делаешь и не ждёшь ответа. Не проверяешь. Не измеряешь. Не смотришь.

— Это ненаучно, — сказал Илья.

— Это единственное, что ещё не пробовали.

— А если это опасно?

— Опасно — это задавать вопросы, на которые нет независимой проверки. Мы уже это делаем. Каждый день.

Лея постучала пальцем по столу.

— Конкретно. Что ты предлагаешь конкретно?

— Илья входит в зону Апертуры. Без датчиков. Без связи. Я остаюсь снаружи и сознательно отказываюсь наблюдать. Не смотрю на приборы. Не слушаю. Не записываю. Просто жду.

— Это не эксперимент, — сказал Илья. — Это самоубийство.

— Это доверие.

— Я не согласен.

— Я знаю.

— Я не согласен, Вера.

— Я знаю, Илья.

Он встал. Прошёлся по комнате. Остановился у стены, где висел старый бумажный плакат с инструкцией по технике безопасности. Плакат был выцветший, с загнутым углом. На нём кто-то от руки дописал: «Не доверяй протоколам. Доверяй людям».

— Кто это написал? — спросил Илья.

— Не классифицировано, — ответил «Свидетель-9».

— Конечно.

Он обернулся к Вере.

— Если я соглашусь — это будет не дар. Это будет сделка. Я иду туда, потому что хочу знать правду. Ты остаёшься здесь, потому что хочешь, чтобы я вернулся. Мы оба чего-то ждём. Это не дар.

— А любовь — не сделка? — спросила она.

Он молчал.

— Любовь — это когда ты что-то делаешь и не требуешь доказательств, — сказала Вера. — Ты не просишь сертификат. Ты не измеряешь чувства интерферометром. Ты просто делаешь. И ждёшь. Или не ждёшь. Но не требуешь.

— И ты готова так поступить со мной?

— Я готова не смотреть.

— Это не ответ.

— Это дар.

Он подошёл к ней. Близко. Так близко, что она увидела морщинку у его глаза — ту самую, которой не было двенадцать лет назад. Или была, но она не замечала.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю это. Но не потому, что верю в твою теорию. А потому, что если не сделаю, то никогда не узнаю, права ли ты. А если ты права — значит, всё, во что я верил, было не фактом, а выбором. И я хочу знать, что я выбрал.

— Ты выбрал меня, — сказала она.

— Тогда.

— Тогда.

Они не поцеловались. Они просто стояли. И в этом стоянии было больше близости, чем в иных поцелуях.

Ночью Вера не спала. Она сидела на койке, поджав ноги, и смотрела на стену. В стене был контур двери — едва заметный, как след от пальца. Она знала, что за дверью — библиотека. Её библиотека. С запахом пыли и засушенных цветов. С царапиной у ручки. С книгами, которые она читала в шесть лет, водя пальцем по строчкам.

Она не открыла дверь. Она просто сидела и смотрела. Это было её даром. Пока что.

Утром «Свидетель-9» сообщил:

— Дверь в секторе С-4 обнаружена повторно. Состояние: приоткрыта. Угол открытия — семнадцать градусов. Из щели исходит запах: бумага, пыль, засушенные цветы. Звук: перелистывание страниц.

Лея посмотрела на Веру.

— Это твоя библиотека?

— Похоже на то.

— Что будем делать?

Вера подошла к переборке. Дверь была приоткрыта. За ней не было видно комнаты. Только темнота. Тёплая, пахнущая бумагой. И звук — тихий, ритмичный, будто кто-то листал книгу, не зная, что его слышат.

— Мы не будем задавать вопросов, — сказала Вера. — Мы просто войдём.

— Кто — мы? — спросил Илья.

— Ты. И я. Но не вместе. Ты войдёшь первым. Я останусь снаружи. Я не буду смотреть.

— А если я не вернусь?

— Тогда я буду знать, что это был не дар, а вопрос, на который я не получила ответа.

— Это жестоко.

— Это честно.

Он посмотрел на дверь. Потом на неё.

— Хорошо.

Она взяла его за руку. Не сильно. Просто взяла.

— Илья.

— Что?

— Я не буду смотреть. Но я буду ждать.

— Это одно и то же.

— Нет. Ждать — это не смотреть. Это просто быть здесь.

Он кивнул. И шагнул к двери.

Дверь была приоткрыта на семнадцать градусов. Из щели пахло библиотекой. И ещё чем-то — тёплым, почти домашним, как от старого бумажного переплёта, который держали в руках слишком много раз.

Он толкнул дверь. Она открылась без скрипа.

Вера стояла снаружи и смотрела на свои руки. На ладонь, где ещё оставалось тепло его пальцев. Она не смотрела на дверь. Она не слушала. Она просто ждала.

И в этом ожидании было больше науки, чем во всех протоколах станции «Порог».

Глава 4. Комната, которая помнит

Дверь открылась без скрипа. Илья шагнул в темноту — и темнота оказалась библиотекой.

Он сразу узнал её. Не потому, что видел раньше, а потому, как Вера описывала её. Высокие стеллажи из тёмного дерева. Лестница на колёсиках. Стол у окна, заваленный бумагами. За окном — не космос, а дождь. Настоящий дождь, стучащий по стеклу, с разводами и каплями, стекающими вниз.

Пахло пылью и засушенными цветами. И ещё — трубкой. Той самой, которую курил Грин, хотя на станции курить запрещалось.

Илья прошёл вдоль полок. Книги были старые, с потёртыми корешками. Он взял первую. На форзаце — надпись: «Вере от Аркадия. Читай медленно». Он открыл страницу. Текст был написан от руки. Мелким, аккуратным почерком. Он узнал его. Это был почерк Веры.

Он поставил книгу на место. Взял вторую. «Илье от Веры». Он никогда не получал от неё книг. Он открыл. На первой странице: «Ты не поверишь, но я пишу это в тот день, когда ты назвал мою работу философией для трусов. Я не злюсь. Я просто хочу, чтобы ты знал: я не боюсь лаборатории. Я боюсь, что ты никогда не посмотришь на меня без прибора».

Он закрыл книгу. Руки дрожали.

Третья книга была пустая. На обложке — «Сумма незнания». Он открыл. Почерк был его. Его собственный, угловатый, с наклоном влево. Он никогда не писал эту книгу. Но там были его слова: «Я не верю в дар. Я верю в доказательства. Но если доказательства не работают, значит, я просто ещё не нашёл правильный прибор».

Он перевернул страницу. Там было: «Вера — единственный прибор, который я не могу откалибровать. И единственный, который я не хочу калибровать».

Он закрыл книгу. Положил её на стол. И тогда услышал голос.

— Ты пришёл не за мной.

Грин сидел в кресле у окна. Он выглядел так же, как двенадцать лет назад: седые волосы, тяжёлые очки, трубка в руке. Но глаза были другие. Спокойные. Как у человека, который перестал искать ответы.

— Аркадий?

— Ты пришёл за ней.

— Я пришёл узнать, что здесь реально.

— Здесь всё реально. — Грин выпустил дым. — И ничего не реально. Это зависит от того, какой вопрос ты задаёшь. Но ты ведь не задаёшь вопрос. Ты делаешь дар.

— Вера сказала, что дар — это действие без ожидания ответа.

— Вера ошибается. — Грин улыбнулся. — Дар — это действие без требования ответа. Разница есть. Ожидать можно. Требовать — нельзя.

— И что это значит для меня?

— Это значит, что ты можешь ждать её. Но не можешь требовать, чтобы она ждала тебя.

— Она ждёт.

— Она боится. — Грин посмотрел в окно. — Она боится не того, что ты уйдёшь. Она боится того, что ты останешься. Потому что, если ты останешься, ей придётся перестать прятаться за теорией.

— За теорией?

— Теория — это способ не любить. Пока ты объясняешь мир, ты не обязан его чувствовать. Вера объясняет любовь, чтобы не переживать её. Ты измеряешь любовь, чтобы не доверять ей. Вы оба прячетесь. Только она — в словах, а ты — в приборах.

Илья хотел ответить. Но Грин поднял руку.

— Не спорь. Просто послушай. Я двенадцать лет сижу в этой комнате. Я видел, как сюда приходили люди. Они задавали вопросы. Они требовали ответов. Они распадались на версии. Я остался, потому что перестал требовать. Я просто смотрю. И жду.

— Чего?

— Того, что кто-то придёт и не спросит. — Грин посмотрел на него. — Ты не спросил. Ты вошёл. Это уже дар.

— Я вошёл, потому что хотел знать правду.

— Это не дар. Это вопрос. Но ты вошёл без приборов. Это уже шаг.

Грин встал. Подошёл к полке. Взял книгу — ту самую, с надписью: «Сумма незнания».

— Возьми её. Отдай Вере. Скажи, что это не её книга. Но написана она будет ею. Если она перестанет бояться.

— Чего бояться?

— Того, что дар не требует доказательств. — Грин протянул ему книгу. — Иди. Она ждёт.

Илья взял книгу. Она была тёплая. Как будто её только что держали в руках.

— Аркадий.

— Что?

— Вы живы?

Грин улыбнулся.

— Я не знаю, что здесь реально. Я знаю только, что выбрал.

Илья шагнул назад. Дверь закрылась сама. Он стоял в коридоре. Вера была рядом. Она не смотрела на дверь. Она смотрела на свои руки.

— Ты вернулся, — сказала она.

— Вернулся.

— Я не смотрела.

— Я знаю.

— Что там было?

Он протянул ей книгу.

— Это твоя книга. Но написана моим почерком.

Она взяла её. Открыла. На первой странице были её слова: «Любовь — это не доказательство. Это согласие не требовать доказательств».

Она подняла на него глаза.

— Я никогда этого не писала.

— Теперь напишешь.

— «Свидетель-9»? — позвала Лея.

— Фиксирую, — ответил ИИ. — Книга не зарегистрирована в архивах станции. Почерк соответствует доктору Вересову. Содержание соответствует теоретическим работам доктора Коваль. Автор неизвестен.

— Автор — мы, — сказала Вера.

Она закрыла книгу. Прижала к груди. И впервые за двенадцать лет почувствовала, что стоит на твёрдой земле. Или на том, что станет землёй. Если она перестанет требовать.

Ночью она увидела сон. В нём она была в библиотеке. Грин сидел за столом. Он сказал: «Ты не должна была приходить. Теперь ты тоже внутри». Она хотела ответить, но он покачал головой. «Не спрашивай. Просто будь».

Она проснулась. На стене снова был контур двери. Но теперь дверь была открыта полностью. И из неё пахло не только библиотекой. Пахло чем-то новым. Чем-то, чего она ещё не знала.

Она не стала будить Илью. Она просто села на койке и стала ждать. Не требовать. Ждать.

Глава 5. Калибровка

Лея Ран была человеком, который верит в порядок. Не потому, что мир упорядочен, а потому, что без порядка она не смогла бы вставать по утрам. Поэтому, когда «Свидетель-9» сообщил, что дверь в секторе С-4 открыта полностью, Лея сделала то, что делала всегда: составила расписание.

— Три эксперимента, — сказала она, стоя у пульта в командном отсеке. — Первый — физический. Доктор Вересов, вы отвечаете за приборы. Второй — биологический. Я беру пробы. Третий — теоретический. Доктор Коваль, вы строите модель. Все данные изолируются. Сравнение — только после тройной перепроверки.

— А дверь? — спросил Илья.

— Дверь — потом. Сначала мы делаем то, что умеем. Потом — то, чего не умеем.

Вера стояла у иллюминатора. Она смотрела на Апертуру. Тёмное пятно висело в пустоте, как зрачок без глаза. Она думала: если Апертура — зеркало, то что она отразит сегодня? Физику? Биологию? Или страх?

Физический эксперимент начался в 09:00. Илья установил направленные на Апертуру три независимых датчика: гравитационный, температурный, спектральный. Данные шли в три буфера. «Свидетель-9» сверял контрольные суммы.

— Канал один, — произнёс ИИ. — Масса объекта — две целых три десятых солнечных. Температура поверхности — сорок два кельвина. Спектр — реликтовое излучение с аномалией в инфракрасном диапазоне.

Илья смотрел на экран. Он не улыбался. Он просто смотрел. Вера стояла рядом. Она видела, как его плечи медленно опускаются — так расслабляются мышцы у человека, который двенадцать лет держал спину прямо, чтобы не согнуться под тяжестью сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.